

Позже в личном приложении к Плану действий при переселении душ Ли Юэюэ сделала отдельную запись об этом дне. Дословно она звучала так: «Этот Чжу Чжисин либо играет слишком хорошо, либо вовсе не осознает, насколько он опасен».

Дописав, она сочла это не совсем точным, зачеркнула и переписала: «Либо он слишком хорошо понимает, насколько он опасен».

Это произошло на третий день после подписания равнодушного договора.

Съёмки клипа были назначены на девять утра, компания прислала за ней минивэн. Ли Юэюэ в роли Су Синьхао должна была ехать на съёмочную базу в одной машине с Чжу Чжисинем. Это был один из пунктов, заранее записанных Су Синьхао в заметках: совместные поездки с Чжу Чжисинем — обычное дело для Су Синьхао, и если бы она потребовала сесть отдельно, это лишь вызвало бы подозрения у сотрудников.

Поэтому ей пришлось заставить себя сесть в машину.

Пространство внутри оказалось просторнее, чем она думала, но сколь бы просторным оно ни было, это не отменяло одного факта: она сидела на заднем сиденье бок о бок с человеком, который уже раскусил её личность, и расстояние между их коленями составляло меньше двадцати сантиметров. Сев в машину, Чжу Чжисин бросил «утро», после чего откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, погружившись в дремоту. Его голова была чуть наклонена в сторону окна, дыхание ровное — казалось, он и вправду уснул.

Поначалу Ли Юэюэ не смела на него смотреть.

Она вцепилась взглядом в экран телефона, делая вид, будто просматривает сообщения. Пункты, на которые Су Синьхао просил обратить внимание сегодня, она уже прочитала трижды, но всё равно пробежала по ним глазами сызнова, пытаясь забить голову буквами и не оставлять ни щелочки для лишних мыслей.

Добравшись до четвёртого раза, она сдалась.

Потому что свет за окном был просто идеальным. Машина как раз проезжала по аллее, засаженной платанами, и солнечные лучи просеивались сквозь листву, ложась на лицо Чжу Чжисина лоскуток за лоскутком. Световые пятна скользили со лба на переносицу, а от переносицы — на подбородок, словно серия живых, нежных кинематографических кадров, каждый из которых можно было смело вырезать и поставить на заставку.

Раньше она видела, как спит Чжу Чжисин, только на материалах из сети. Уголок репетиционного зала, зал ожидания в аэропорту, утреннее пробуждение из-за чьей-то шутки в реалити-шоу команды — каждый фрагмент она до дыр засмотрела в фан-клубе, разбирая вместе с другими фанатами по кадрам. Но смотреть через экран и видеть всё это вживую на расстоянии двадцати сантиметров — вещи совершенно разные. Те детали, что на записях

сжимались до плоских пикселей, теперь обрели объём и вещественность. Чуть подрагивающие крошечные сосудики на его веках, изгиб слегка раздувающихся при дыхании крыльев носа, тонкая жилка на шее, натянутая из-за наклона головы.

Мозг Ли Юэюэ ещё не успел сообразить, как тело автоматически переключилось в режим фанатки пейринга.

При таком расстоянии сосчитать ресницы, пожалуй, не составит труда. Насколько вообще длинные у него ресницы? Раньше, разглядывая фанатские снимки, она видела, как кто-то замерял длину ресниц Чжу Чжисина с помощью специальной программы, и вышло примерно от восьми миллиметров до сантиметра. Но эти данные никогда не подтверждались официально. Если удастся сосчитать их лично, можно будет проверить, верны ли те подсчёты.

Её тело слегка качнулось влево градусов на пять.

Листья платанов за окном продолжали проплывать мимо, свет струился дальше. Ресницы Чжу Чжисина отливали на солнце бледно-золотистым сиянием, густые у основания и слегка загнутые на кончиках, их плотность и изгиб казались выверенными с точностью до параметров. Она принялась считать: левое верхнее веко, от внутреннего уголка глаза к внешнему — одна, две, третья... дойдя до седьмой, она сообразила, что её лицо находится от лица Чжу Чжисина на расстоянии меньше ладони. Она чувствовала, как его дыхание легко касается её подбородка, принося с собой мятный привкус оставшейся от зубной пасты свежести. Она чётко видела мелкие трещинки на его губах, пересохших от смены сезона.

И тогда Чжу Чжисин открыл глаза.

Не медленно, не сонно и затуманенно — он открыл их разом, ясно, без каких-либо переходов. Фокус его персиковых глаз за доли секунды переключился с сонного расслабления на абсолютную, точную трезвость, намертво впившись в её лицо.

Их взгляды встретились.

Расстояние — меньше ладоши.

Её нос едва не касался его носа.

В этот момент мозг Ли Юэюэ выдал предельно глупую защитную реакцию — она зевнула. Не по-настоящему, а наигранно. Рот раскрылся слишком широко, рука поднялась с опозданием, и ко всему этому прилагалось явно неестественное потягивание. По степени своей бездарности этот перформанс примерно равнялся худшей массовке из какого-нибудь молодёжного сериала.

— А-а-х, как спать хочется, — закончив зевать, она добавила реплику. Голос принадлежал Су Синьхао, но сколько бы она ни занижала темп, спрятать проступавшую в интонации фальшь

было невозможно.

Чжу Чжисин ничего не ответил. Он просто смотрел на неё, а уголком губ у него обозначился слабый, едва заметный изгиб. Это движение не складывалось в полноценную улыбку и даже улыбкой-то назваться не могло — лишь лёгкое содрогание мышц. Но именно это мимолетное движение заставило Ли Юэюэ почувствовать, что её просветили насквозь с головы до ног. И вовсе не в том смысле, будто он что-то обнаружил, а в духе: «Я давно проснулся, но мне просто интересно, что ты тут удумала».

— Ты проснулся? — попыталась перевести тему Ли Юэюэ.

— Когда ты зевала, твои глаза были открыты, — произнёс Чжу Чжисин.

Тон ровный. Констатация факта.

Уши Ли Юэюэ вспыхнули. Уши Су Синьхао — пару дней назад она как раз читала в учебном пособии: «Су Синьхао нелегко покраснеть, но если уж краснеет, то жар поднимается от самых корней шеи, и спрятать это никак нельзя». Теперь она на собственном опыте прочувствовала, каково это — «никак нельзя спрятать». Температура за ушами стремительно росла, словно кто-то зажёл там две крошечные жаровни, и это жжение поползло по линии челюсти к щекам, а от щек — к шее.

Взгляд Чжу Чжисина задержался на её покрасневших мочках ровно на секунду, после чего сместился. Он снова отвернулся к окну и легко зевнул, бросив так непринужденно, будто они болтали о погоде:

— Ночью плохо спал?

Сердце Ли Юэюэ всё ещё бешено колотилось, но её внутренний процессор наконец-то перезагрузился после зависания. Она быстро пролистала в памяти базу данных о характере Су Синьхао: как бы ответил на это он? Он бы не стал говорить про бессонницу или волнение, скорее всего, ответил бы просто: «Нормально».

— Нормально, — выдавила она, стараясь придать голосу ровное звучание.

— Вот и хорошо, — бросил Чжу Чжисин и снова закрыл глаза.

Так, будто ничего и не произошло, будто он вовсе не заставлял тело Су Синьхао за подглядыванием в какой-то десятке сантиметров от собственного лица.

Но стоило ему закрыть глаза, как тот слабый изгиб в уголках губ не исчез. Он остался. И держался всю оставшуюся дорогу.

За весь оставшийся путь Ли Юэюэ так и не осмелилась повернуть голову влево. Убавив яркость экрана телефона до минимума, она принялась яростно строчить в заметках:

□Су Синьхао: Капец□

□Ли Юэюэ: ?□

□Су Синьхао: Я в машине тайком пялился на спящего Чжу Чжисина, и он меня поймал□

□Ли Юэюэ:□

□Ли Юэюэ: Зачем ты пялился на то, как он спит?□

□Су Синьхао: Я не специально! Просто... на него так красиво падал свет, на ресницах играло золото, и мне безумно захотелось сосчитать...□

□Ли Юэюэ: Что сосчитать?□

□Су Синьхао: Ресницы□

□Ли Юэюэ: □□

□Ли Юэюэ: И как отреагировал Чжу Чжисин?□

□Су Синьхао: Сказал: «Когда ты зевала, твои глаза были открыты»□

□Ли Юэюэ: □□

□Ли Юэюэ: Я пока не хочу с тобой разговаривать□

□Су Синьхао: Постой, ты злишься?□

□Ли Юэюэ: Я не злюсь□

□Ли Юэюэ: Мне просто нужно немного остыть□

Су Синьхао перевернул телефон экраном вниз на прикроватной тумбочке. Сидя на односпальной кровати Ли Юэюэ, застеленной простыней в мелкий цветочек, он уставился на висевший на противоположной стене парный плакат с ним и Чжу Чжисиним и сделал три

глубоких вдоха. Плакат Ли Юэюэ распечатала сама, формата А3, повесила прямо над письменным столом: качество печати хромало, зато ракурс был подобран мастерски — тот самый момент на какой-то из сценических концовок, когда Чжу Чжисин обернулся на него, а он как раз смотрел на Чжу Чжисина.

Теперь он просыпался под этим плакатом каждый день и каждый день под ним же засыпал. Он даже привык. Но сейчас, глядя на собственное лицо на бумаге, он вдруг ощутил странное, прежде незнакомое чувство фальши. Ли Юэюэ использовала его тело, чтобы паяться на Чжу Чжисина, попалась с поличным и покраснела до корней волос. Это его тело, его уши, его румянец. Он знал Чжу Чжисина семь лет и ни разу в жизни не краснел оттого, что просто смотрел, как тот спит. А теперь его тело сделало это за него.

Он и сам не понимал, что именно задевало его больше всего. То, что Ли Юэюэ использовала его оболочку для поступков, на которые он бы не решился? Или этот уверенный, невозмутимый и даже чуточку дразнящий тон фразы Чжу Чжисина: «Когда ты зевала, твои глаза были открыты»? То, как Чжу Чжисин разговаривал с Ли Юэюэ, отличалось от того, как он общался с ним самим. Они были знакомы семь лет, но Чжу Чжисин никогда не обращался к нему подобным тоном. В этом голосе слышалось предвкушение распаковки паршиво завёрнутого, но крайне занятного подарка — без спешки, потому что сам процесс разворачивания уже доставлял удовольствие.

Су Синьхао перевернул телефон обратно и ещё раз перечитал брошенное Ли Юэюэ «мне просто нужно немного остыть». Отвечать он не стал, вместо этого открыл заметки, нашёл в приложении «План действий при переселении душ» раздел «Всё о Чжу Чжисине» и добавил новую строчку: «Возможно, он понял, что что-то не так, гораздо раньше, чем я думал. Точное время нужно уточнить. Не рекомендуется позволять Ли Юэюэ оставаться с ним наедине на близком расстоянии дольше пяти минут».

Курсор мигал в конце предложения. Поразмыслив, он не стал ничего удалять.

Когда минивэн остановился перед зданием компании, Чжу Чжисин открыл глаза. Выход из машины, хлопок дверью, приветствие сотрудникам, путь до входа — всё было безупречно гладким и ничем не отличалось от любого другого будничного утра.

Но когда двери лифта уже закрывались, Чжу Чжисин неожиданно заговорил. В кабине они находились вдвоём.

— Ты случайно не мои ресницы только что считал?

Сердце Ли Юэюэ пропустило удар. Уставившись на сменяющиеся цифры этажей над дверью лифта, она задействовала все освоенные на тренингах навыки управления мимикой и сохранила безразличное выражение лица:

— Ты слишком много о себе возомнил.

Двери лифта открылись. Чжу Чжисин шагнул наружу первым, даже не оборачиваясь, но она отчётливо услышала долетевший спереди голос, в котором таилась едва заметная улыбка:

— Восьмая была особенно длинной?

Ли Юэюэ окаменела на месте.

Он прервал её как раз тогда, когда она досчитала до семи. Откуда он знал, на каком числе она остановилась? Если только... если только он не спал с самого начала. С того самого мгновения, как она наклонила тело влево, с той секунды, как она начала счёт, с самой первой ресницы — он знал абсолютно всё. Он просто не открывал глаз. Он ждал. Ждал, как близко она подберётся, докуда досчитает и какую гримасу скорчит, когда её поймут за этим неуклюжим зевком.

Он бодрствовал всё это время.

Ли Юэюэ стояла неподвижно, чужой для неё оболочкой Су Синьхао ощущая, как жар, поднявшийся от корней шеи, вновь окатывает её с головой. А в конце коридора силуэт Чжу Чжисина уже отделился на добрый десяток метров. Шаг уверенный, плечи расслаблены — всё как в любое обычное рабочее утро. Но если присмотреться хорошенько — Ли Юэюэ этого не заметила, но окажись на её месте Су Синьхао, он бы сразу понял — его правое плечо едва заметно подрагивало.

Это была его привычка, когда он пытался сдержать смех. Амплитуда была столь мизерной, что различить её могли лишь те, кто знал его больше пяти лет.

Ли Юэюэ же была знакома с ним всего два года, да и то через экран, так что разглядеть это она, разумеется, не смогла. Прижав ладони к пылающим ушам, она быстрыми шагами последовала за ним, попутно твердя себе в мыслях: больше никогда, ни за что на свете не буду подглядывать. По крайней мере, если уж решусь подсмотреть, сначала надо убедиться, что он действительно спит. И только убедившись, приступать к подсчёту первой ресницы.

<http://bllate.org/book/20903/2113179>